

УДК 94(47):348.31(09)

А. Г. Фот

Правовой статус приходского православного духовенства во второй половине XIX — начале XX века

В статье рассматривается правовое положение православного приходского духовенства Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. Анализируя материалы полного собрания законов и свода законов Российской империи, автор делает выводы об объеме прав и привилегий приходских клириков, выявляет недостатки законодательной базы, касающейся приходского духовенства, и указывает на их возможные причины.

Ключевые слова: Российская империя, пореформенный период, приходское православное духовенство, правовой статус, привилегии.

Конец XX — начало XXI столетия в нашей стране стали периодом переосмысления прошлого России. Эти процессы дали возможность исследователям по-новому взглянуть на многие исторические события в дореволюционной России. Большое внимание ученые уделяют церковной проблематике, поскольку православная церковь стала играть значительную роль в жизни русского общества. Изучение исторического опыта взаимоотношений государства и православного приходского духовенства, обращение к вопросу формирования правового статуса клириков помогает выстраивать современные государственно-конфессиональные отношения.

Первым научным историческим исследованием о приходском духовенстве стала работа П. В. Знаменского «Приходское духовенство в России со времен реформ Петра Великого». Основа его труда — анализ общероссийского законодательства, касавшегося духовного сословия, и изучение практических последствий его реализации [21].

О правовом положении клириков в XIX веке и их отношениях с властью писали историки П. Николаевский, С. Мельгунов и П. В. Верховский [26; 25; 6]. На стыке XIX—XX веков появились серьезные научные исследования, посвященные церковным преобразованиям 60—80-х гг. XIX столетия. Прежде всего это основательное исследование Н. Руновского. Историк разобрал церковное законодательство предыдущего периода, проследил этапы разработки проекта преобразований и высказал свое мнение о разрушении замкнутости духовного сословия. Руновский также говорил о важности развития выборного начала в среде духовенства [48]. Эти же вопросы разрабатывали Ф. Благовидов и Е. Е. Голубинский [4; 17].

В советский период труды по церковной тематике в основном носили тенденциозный характер. Церковь и ее служители позиционировались как «приспешники самодержавия», которые помогали властям подавлять естественное стремление народа к свободе. Наиболее ярко такой подход проявился в исследованиях 20—30-х гг. XX века [3; 18; 19; 40; 53; 49]. Первым серьезным исследованием, нацеленным на рассмотрение взаимоотношений государства и приходского священства как сословия, стала монография Н. Д. Зольниковой [22]. Исследователи вновь обратились к изучению правового статуса приходских священников, убеждая читателя в том, что в Русской православной церкви нарастал кризис [51, 23].

Новый этап в изучении истории русского духовенства наступил после распада Советского Союза. Важным событием стала публикация на русском языке двухтомника И. К. Смолича [52]. Автора особенно заинтересовала церковная реформа Александра II.

© Фот А. Г., 2015

Изучив ее, он пришел к выводу, что не все задуманное императору удалось совершить в полной мере. Исследование церковной реформы в эпоху Александра II продолжил С. В. Римский, использовавший в своем труде богатейший законодательный и архивный материал. Он скрупулезно изучил действия Главного и местного присутствий по делам православного духовенства, а также материалы личных фондов многих непосредственных участников проводимой реформы [45].

Исследовательская работа М. В. Пулькина [44] посвящена законодательной регламентации жизни православного прихода в середине XVIII — начале XX века. Историк обращается к проблеме выборов белого духовенства, административному вмешательству во взаимоотношения церковнослужителей и приходской общины в важных вопросах жизнедеятельности прихода: организации богослужения, исполнения «мирских треб», обеспечения клира средствами к существованию.

Изучение рассмотренных выше работ свидетельствует о том, что отечественные историки исследовали значительный пласт проблем церковно-государственных отношений. Однако пока ученые не предпринимали комплексного исследования правового положения духовенства. Статья призвана внести вклад в разработку данного вопроса.

В Российской империи православное приходское (белое) духовенство играло особую роль. Именно оно, будучи проводником государственной идеологии и духовно-нравственных основ, выполняя свои культурно-просветительские функции, часто являлось посредником между властью и простым народом. Приход являлся первичной церковно-административной единицей империи. Он охватывал определенную территорию и включал в себя храм со служившим там причтом [58, с. 28]. Понятие «причт» объединяло всех священно-, церковнослужителей, служащих в приходе.

Политика, осуществляемая Российским государством в XVIII—XIX вв., привела к тому, что отечественное духовенство постепенно превратилось в замкнутое сословие. Законодательство декларировало, что «в белое духовенство могут вступать лица из всех вообще состояний» [20, ст. 269, с. 61], но на практике все оказывалось не так просто. Стать новым приходским священником было возможно, только если в епархии не доставало уже готовых священников, чтобы занять вакантные места. Те, кто платил подати, имели право принять сан «не иначе как с разрешения начальника губернии» и при условии получения должного образования» [20, ст. 270, с. 61]. Человеку со стороны было сложно получить сан, поскольку вакансии были заняты детьми священно- и церковнослужителей.

Указами от 26 июня 1808 и 27 августа 1814 г. предписывалось зачислять в духовно-училищное ведомство всех детей духовенства с 6—8 лет [34; 27]. 6 декабря 1829 г. было высочайше утверждено «Положение о способах к улучшению состояния духовенства», которое прямо предписывало: «в священники к церквам, как градским, так и сельским, производимы были достойные из окончивших Богословское учение в Духовных Академиях или Семинариях», если же выпускников семинарий в родной епархии не хватало, следовало обратиться за помощью в другие епархии. В крайнем случае закон допускал возможность назначения на должность священника семинариста, еще не завершившего обучение. Для выпускников, не определенных к месту, предусматривалось повторное прослушивание богословского курса при семинариях [42]. Сыновья клириков, до 15 лет не поступившие в какое-либо духовное учебное заведение, теряли все льготы и записывались в податное сословие [20, ст. 274, с. 63]. Так и сложилось, что отпрыски клириков были обязаны готовиться к священно- и церковнослужительским должностям, а сами эти должности тем самым окончательно закрывались для всех не обучавшихся в училищах и семинариях, поскольку, заставив все духовенство отдавать сыновей на подготовку к

церковному служению, нельзя было не принять меры к размещению их на церковнослужительские места.

Специалист по истории РПЦ в период Великих реформ С. В. Римский отмечает, что приходское духовенство «тянулось к образованному обществу — дворянам, чиновникам, но не встречало отношения к себе как к равным» [46, с. 35]. Это мнение подтверждается свидетельством Дмитрия Ивановича Ростиславова. Он сам был сыном сельского священника, прошел все ступени духовной школы, долгие годы преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии, знал духовное сословие «изнутри». Ростиславов аргументированно доказывал, что духовенство не пользовалось уважением со стороны других сословий. Дворяне и просто образованные люди относились к священно- и церковнослужителям с презрением. Причина крылась в воспитании, которое получали семинаристы: «Семинарии прививают своим воспитанникам особый взгляд на мир, на жизнь, на светское общество, приучают к особому роду мышления, к особому слогу, к особым внешним приемам; все это многим образованным светским людям кажется то нелепым, то диким, то странным» [47, с. 388].

Представители дворянства часто смотрели на сельского священника как на свою собственность. Д. И. Ростиславов приводил слова одного из своих знакомых священников: «Помещики играют нами как шашками, иной на своем веку только тем и занимается, что переменяет на своей деревне священников и поговаривает “моя деревня, моя церковь, мой поп”» [47, с. 375]. Естественно, что, не испытывая большого уважения к духовенству, представители других сословий считали для себя невыносимым принять сан. Большая доля вины за такое положение дел лежала и на государственной власти. По закону человек, вступавший в духовное состояние, лишался всех своих военных и гражданских чинов, его прежняя служба даже не вносилась в формуляр, в том числе терялись права личного дворянства [20, ст. 276, с. 63].

В этих условиях духовное сословие обладало привлекательностью лишь для представителей социальных групп, ориентированных на традицию и имевших более низкий общественный статус, прежде всего для крестьян. Митрополит Вениамин (Федченков), мать которого происходила из духовного сословия, а отец был крестьянином, вспоминал: «У матери в душе всегда жила мечта: хоть одного бы мальчика сделать батюшкой, «иметь молитвенника у престола Божия» [5, с. 151]. Однако поступить в семинарию, чтобы потом занять место священника, из-за упомянутых выше правил было нелегко. В итоге священниками, как правило, становились дети священников или диаконов, а дети причетников — низшими членами причта.

Сохранению замкнутости сословия способствовал и наследственный принцип замещения церковных должностей. Законодательно практика наследования мест умерших клириков их детьми была утверждена Екатериной Великой в 1786 г. Если дети еще «не достигли возраста», разрешалось нанимать викариев, выплачивая им определенную часть получаемого дохода. Указ учитывал и сирот женского пола: вдовы получили право подбирать кандидата на место умершего мужа с условием «взятия в замужество» одной из дочерей и содержания сирот [28, с. 444].

Отчасти практика перехода церковных должностей по наследству утвердилась из-за того, что жилье для членов клира возводилось на участке, выделенном им общиной. Материалы и деньги на их постройку выдавались прихожанами либо выделялись из средств причта. Поэтому постройки считались церковной собственностью. Ситуация усложнялась тем, что иногда в одном доме могло проживать сразу несколько семей членов причта. Известен пример тверского священника Ивана Беллюстина, который в 40-х годах XIX века вынужден был жить не только с родственниками жены, но и с семьей церковно-

го сторожа [2, с. 370]. Не избежали подобной участи и клирики Оренбургской епархии. Уже в 70-е годы XIX столетия помощник настоятеля Митрофановской церкви села Попова Челябинского уезда Аполлинарий Никанорович Соколов, имея семью из жены и пяти-рех детей, ютился под одной крышей с псаломщиком и его супругой [11, л. 51 об. — 52].

С 1863 г. новые приходы открывались только в том случае, если прихожане гарантировали, что построят и будут содержать дома для своего духовенства [50, с. 431]. Позднее причты получили право обращения церковных земель, их продажи, заклада и сдачи в аренду. Можно было продать и дом, но все это удавалось сделать, только заручившись поддержкой всех членов причта [50, с. 400], что вряд ли было возможно в силу их разных интересов. В итоге приобрести церковную землю или дом в индивидуальную собственность было практически невозможно. Уходя за штат, священнослужитель обязан был освободить дом для своего преемника. Единственной возможностью оставить дом семье было передать одному из своих сыновей должность или выдать дочь замуж за человека, способного занять освободившееся место. Преемник, вступая в должность, брал на себя обязательство поддерживать семью тестя. В таком решении были заинтересованы и правящие епископы, желающие разрешить проблемы быта духовенства, а также иметь подготовленных ставленников в своих приходах.

Выйти из духовного сословия было возможно, но сложно. Лицам белого духовенства, просящим об увольнении, в течение трех месяцев устраивались испытания в решимости покинуть принятое на себя звание, в ходе которых их убеждали не делать этого. С тех, кто не поддавался уговорам, с разрешения Святейшего Синода слагался сан. После этого дьяконы не могли поступать на государственную службу раньше чем через шесть лет. Бывшие священники должны были ждать начала светской карьеры еще дольше — 10 лет [20, ст. 276, с. 62—63]. Преимуществами обладали те из снявших с себя сан, кто принадлежал в миру к дворянскому сословию. Они могли без ограничений избирать службу в государственных учреждениях, тогда как в отношении прочих был установлен образовательный ценз: требовалось предъявить документ об окончании, как минимум, среднего отделения семинарии [20, ст. 279, с. 63].

Так оформлялась замкнутость духовного сословия. Отпрыски клириков были не только лишены права самостоятельно выбирать род деятельности, но, как правило, даже женились на девицах духовного звания, чтобы получить приход в качестве приданого. Это обстоятельство не лучшим образом сказывалось на частной жизни клириков и влияло на их профессиональную деятельность.

Сословная замкнутость духовенства ощущалась и в сфере судопроизводства. Священнослужители подчинялись исключительно духовным властям и, как правило, держали ответ за свои проступки перед церковным судом. К светскому суду они привлекались только при некоторых уголовных преступлениях. Церковный суд, по традиции, совершался в Духовной консистории той епархии, к которой принадлежал провинившийся. К ведомству епархиального суда относились дела духовенства, уличенного в проступках против должности, благочиния и благоповедения; там разбирались дела по взаимным спорам, могущим возникнуть из-за пользования церковной собственностью; по жалобам духовных или светских лиц на духовное лицо в обидах и нарушении бесспорных обязательств; по просьбам о побуждении к уплате бесспорных долгов [54, с. 61]. Светский суд рассматривал тяжбы между священниками и священников с мирянами о невыполнении договора или обязательства, а также иски о возмещении убытков; преступления против законов государства; тяжкие уголовные преступления. В этих случаях первоначальный разбор дела осуществлялся опять-таки в духовном ведомстве с участием полицейского чиновника. Только если выявлялась действительная вина подсудимого, дело

передавалось в светский уголовный суд, где следствие проводилось с участием депутата от духовного ведомства [54, с. 62], выполнявшего скорее декоративные функции. Однако чаще всего, еще до начала следствия, такой подсудимый клирик лишался духовного сана. В итоге священнослужители фактически были исключены из системы гражданского судопроизводства.

Ситуацию попытались переломить в 70-е гг. XIX века. Вслед за судебной реформой 1864 г. планировалось ввести изменения и в церковное судопроизводство. Согласно проекту Особого комитета, созданного для решения данного вопроса, предполагалось обеспечить независимость следствия от церковной власти, ввести институты адвокатуры и прокуратуры и разработать четкую уголовно-исправительную систему наказаний. По сути, это было прямое копирование светской судебной системы, без оглядки на каноническое право и православную церковную традицию. Поэтому проект вызвал возмущение епархиальных архиереев и взволновал общественность. В этой ситуации правительство не посчитало возможным его реализовать. В результате церковное судопроизводство так и не претерпело изменений до 1917 г. [45, с. 551—559]. Таким образом, церковное судопроизводство во второй половине XIX — начале XX века оставалось традиционным. Принадлежность к духовному сословию не позволяла клирикам обращаться в бессловесный суд присяжных и пользоваться услугами адвоката для своей защиты, что еще больше обособляло духовенство в системе социальных связей.

Говоря о гражданских правах¹ духовенства, можно констатировать их значительно больший объем по сравнению с податными сословиями и их детализацию. Духовенство не платило личных податей, было свободно от постоя и поземельного налога, рекрутской повинности [20, ст. 381, с. 64; 56, ст. 4, с. 2; 57, ст. 12; 47, с. 7—8]. После реформ Д. Милютина священнослужители любых христианских конфессий освобождались от несения военной службы на основаниях, определенных «Уставом о воинской повинности»: «Освобождаются от воинской повинности: 1) священнослужители всех христианских вероисповеданий; 2) православные псаломщики, окончившие курс в духовных Академиях и семинариях или в духовных училищах...» [55, с. 10]. Псаломщики освобождались от военной службы лишь уставом 1874 г. по предъявлении свидетельства об окончании духовной школы, семинарии или академии. Однако они призывались на военную службу, если оставляли свою должность раньше чем через 6 лет. При желании дети протоиереев и священников могли поступать на военную службу на правах вольноопределяющихся [31, с. 629].

Законодательство утверждало право на личную неприкосновенность духовенства. С 1863 года все категории священнослужителей были освобождены от телесных наказаний [29, с. 353], что окончательно отделило духовенство от низших сословий.

Приходскому духовенству разрешалось покупать недвижимость — дома и землю в любом уголке империи. Подобно прочим собственникам земли, они в таком случае получали все права «как на поверхность, так и на все, внутри оной находящееся» [20, ст. 286, 64]. Говоря о праве приобретать недвижимое имущество, следует помнить, что обеспечение духовенства, служившего в приходе, деньгами оставляло желать лучшего, поэтому оно редко пользовалось данной возможностью. Дома церковно- и священнослужителей были свободными от воинского постоя [37, с. 597], поземельного сбора и городских повинностей — за исключением сборов на постройку мостов и освещение улиц [36, с. 463]. Закон в то же время накладывал и определенные ограничения на имуществен-

¹ Нормы, которые определяют положение и регулируют отношения отдельных лиц в их так называемой «частной жизни», т.е. их положение и отношения личные, семейные и имущественно-хозяйственные (подробнее см.: [59, с. 512—517]).

ные права духовенства. Духовные лица не имели права размещать в принадлежащих им зданиях трактирные и питейные заведения. Духовенство не могло заниматься торговлей [24, с. 23]. Им было запрещено вступать в долговые обязательства, обязываться векселями [32, с. 452].

Священник ощущал свою неполноценность и в финансовой сфере. Участвовать в банковских операциях мог только настоятель храма с согласия всех членов причта и церковного старосты. Причтовые средства позволялось размещать лишь в государственных банках. Причем деньги эти причту не возвращались, а выплачивались лишь проценты с них [50, с. 445—446]. Словом, приходское духовенство не имело возможности легально заниматься коммерческой деятельностью. Разумеется, при большом желании можно было оформить такое предприятие на подставных лиц, но все это было чревато для клирика разоблачением и как минимум сулило крупные неприятности по службе. Духовенству также запрещалось быть ходатаем и поверенным по чужим делам, но разрешалось ходатайствовать за духовное ведомство, за своих жен и детей [7, с. 309].

Через законный брак священнослужители и церковные причетники могли передавать права своего сословия женам. Вне зависимости от исходного состояния жена священника получала статус женщины духовного звания. Если клирик лишался духовного сана и исключался из духовного звания, она понижалась в статусе со своим мужем до податного сословия. Если вдова священника вновь решалась выйти замуж, то она приобретала статус своего нового супруга и теряла все права, которыми пользовались представители белого духовенства [20, ст. 272, с. 62]. Поэтому вдовы священно- и церковнослужителей предпочитали повторно замуж не выходить. Желание предоставить осиротевшей семье хоть какой-нибудь способ к существованию побудило правительство разрешить вдовам духовенства заниматься торговыми промыслами, что было невозможно для служащего белого духовенства, так как считалось несовместимым с саном. Кроме того, на вдов и сирот распространялось освобождение от постоя, поземельного сбора и всяких городских повинностей, исключая починку, уборку и освещение улиц [20, ст. 287, с. 63]. Однако перечисленные льготы и привилегии все же не делали клириков полноправными членами общества.

В результате мер, предпринимаемых государством, духовенство превратилось в сословие, наиболее изолированное от другого населения. У этого сословия сформировался свой образ жизни и менталитет. Поэтому оно все труднее находило общий язык с крестьянством. Между тем, по мысли правительства, в условиях отмены крепостного права священник должен был превратиться не только в бескорыстного, но и в деятельного пастыря, помогающего освобожденным крестьянам освоиться в новых жизненных условиях и не допускающего социальных потрясений. Однако чтобы духовенство успешно справлялось с возложенной на него миссией, необходимо было преобразовать само духовное сословие. Это побудило команду Александра II взяться за церковную реформу. Важную роль в ее проведении сыграл министр внутренних дел П. А. Валуев, который настоял на создании Присутствия по делам православного духовенства (действовало с 1862 по 1885 г.), вошел в его состав и принимал активное участие в его деятельности. Именно ему принадлежала схема реформы, по которой в дальнейшем действовало это управление. Император утвердил Присутствие 28 июня 1862 г. Его члены должны были найти резервы для улучшения материального обеспечения духовенства, увеличить объем его гражданских прав. Также было необходимо разработать законопроект, который открывал бы детям священно- и церковнослужителей двери в светские учебные заведения, чтобы они могли оставить свое сословие и заняться гражданской службой [45, с. 246]. На местах воплощать реформу в жизнь должны были губернские присутствия, состоящие из трех лиц: «епархиального

Архиерея, Начальника губернии и управляющего Палатою Государственных Имуществ. К участию в делах Присутствия Преосвященные, по усмотрению своему, могут приглашать Губернских Предводителей Дворянства и Городских Голов губернских городов на правах членов» [39, с. 339].

К лету следующего 1864 г. губернские присутствия по делам православного духовенства появились в различных частях страны, их состав утверждался с учетом своеобразных черт регионов империи. Так, в Оренбургской епархии, где на тот момент не было ни гражданского губернатора, ни управляющего палатой государственных имуществ, нельзя было организовать присутствие по стандартной схеме, поэтому заведовать этим делом поручили «соглашению Генерал-губернатора с епархиальным Преосвященным, с тем, чтобы по всем предметам, касающимся ведомства государственных имуществ, входили в письменное сношение с управляющим Оренбургскою палатою, находящеюся в губернском городе» [39, с. 339].

Заострим внимание на мерах, предпринятых Присутствием для расширения гражданских прав приходского духовенства. Первым шагом стало изменение правил замещения должностей священно- и церковнослужителей в приходах. Закон от 22 мая 1867 г. гласил: «...при распределении вакансий, открывающихся по смерти или увольнении священно-церковно-служителей, между состоящими в ведении епархиальных начальств кандидатами не считать родства с умершими или уволенными за штат обстоятельством, дающим преимущественное пред другими лицами право на занятие вакансий». Закон запрещал зачислять места «за дочерью или родственницами занимавших сии места лиц, с правом определения на те вакансии тех кандидатов, которые вступят в брак с такими девицами...», и открывать в приходах места для родственников священнослужителей. Кроме того, поступивший на открывшееся место кандидат теперь не был обязан выделять семье предшественника часть своих доходов [35, с. 798].

В 1871 г. было принято Положение «О семейных правах детей православного духовенства», где пояснялось, что теперь не обучающиеся в церковных учреждениях и не являющиеся членами причтов сыновья духовных лиц могут вступать в брак, не испрашивая разрешения епархиального начальства, а жены и дети их не имеют права на пособия от Церкви; но тем, кто состоит на службе, либо учится, либо является членом причта, разрешение на брак спрашивать нужно, хотя сословное происхождение невесты не играет роли, лишь бы соблюдалось соответствие церковным правилам «о женах лиц, допускаемых к восприятию священства» [33, с. 232].

В результате, согласно послужным спискам белого духовенства Оренбургской епархии за 60—80-е гг. XIX века, священники стали жениться не только на девушках своего сословия, но и представительницах других социальных групп: дочерях купцов, казаков, офицеров и чиновников [10, л. 12 об.; 12, л. 39; 13, л. 68, 72, 78; 14, л. 2 об.; 15, л. 2]. Со священником Иваном Ивановичем Семеновым даже решилась связать свою судьбу дочь потомственного дворянина Елизавета Егоровна, в девичестве Томилина [13, л. 68].

Тем не менее привыкнуть к новому порядку вещей духовенству оказалось нелегко. Вдовы священников часто продолжали настаивать на выполнении преемниками своих мужей взятых на себя обязательств. 18 ноября 1874 г. Оренбургская духовная консистория рассматривала иск вдовы священника к ее зятю об уплате ей хлеба и денег по условию, заключенному в 1865 г. ее покойным мужем при сдаче занимаемого им места со взятием в замужество их дочери. Вдове указали на постановление от 22 мая 1867 г. Иск она проиграла. Судам было запрещено впредь принимать такие дела к рассмотрению, а священникам, которых принуждали к подобным выплатам, разрешали обращаться с жалобой в консисторию [9, л. 50—51]. Святейший Синод раз за разом предписывал «не

обращать внимание на родство при определении на приходы, а лицам духовного звания не подавать прошений, противоречащих новому закону» [1, с. 506].

Отмена наследственного занятия должностей лишила духовенство традиционной формы социального обеспечения. Реформаторы собирались решить возникшую проблему, назначив приходскому духовенству пенсии от государства [35, с. 797]. Однако реализация намеченных планов проходила с большим трудом.

Логическим продолжением этой программы стал закон от 26 мая 1869 г., который провозгласил, что дети клириков больше не принадлежат к духовенству. При этом закон не отнял у данной категории населения ее прав и привилегий. Тем, кто не посвятил себя службе в церкви, предоставлялась возможность поступать на службу гражданскую или военную, «обращаться по желаниям их к торговым, промышленным и другим частным занятиям» [38, с. 521]. Отпрыски духовенства получили и новый статус: дети священников и диаконов обрели права детей личных дворян, а дети церковнослужителей — права почетных граждан. Одновременно из духовного сословия были исключены все лица, не имеющие священного сана и не состоящие на церковнослужительских должностях [38, с. 521].

Комментируя принятые меры, С. В. Римский писал: «Несомненно, закон 26 мая 1869 г. явился одним из самых значительных актов церковных реформ... Он определил содержание последующих актов государственной власти относительно духовенства и его родственников» [45, с. 456]. Например, указом от 15 марта 1871 г. льготы духовенства были распространены и на тех детей, которые родились до принятия отцами духовного сана или звания [30]. Теперь потомки клириков не были принуждены замыкаться в рамках своего сословия из страха потерять привилегии, а правительство получило возможность привлекать детей духовенства на административные должности там, где в силу обстоятельств не хватало русских образованных чиновников.

Нередко воспитанники духовных учебных заведений поступали на гражданскую службу или продолжали получать образование в светских высших и специальных заведениях. Наибольшей популярностью среди молодых людей, окончивших семинарию, пользовались историко-филологический и юридический факультеты. С. В. Римский утверждал, что в 1880 г. 34,5% учащихся университетов составляли недавние семинаристы. Демидовский юридический лицей вообще временами превращался в сословную школу: в отдельные годы дети духовенства там составляли 4/5 учащихся [46, с. 45]. Но так было в обеих столицах и крупных городах Российской империи. В провинции дело обстояло иначе.

В 1900 г., т.е. спустя более чем 30 лет после вступления в силу закона от 26 мая 1869 г., по распоряжению епископа Оренбургского и Уральского Владимира благочинные собрали для него сведения о том, где учатся, а потом служат отпрыски приходского духовенства Оренбургской епархии. Оказалось, что подавляющее большинство сыновей клириков по-прежнему продолжали обучаться в духовно-учебных заведениях. Лишь единицы из них впоследствии выбирали для себя путь, не связанный со служением церкви. Более того, те из их отцов, кто в годы своей молодости не смог прослушать курс семинарских наук, сообразуясь с требованием времени, также поступали в семинарии. Дети духовенства, числившиеся в светских гимназиях, училищах и университетах, попадали туда после исключения из стен духовной школы или по причине недостатка мест в семинариях [16, л. 1—46 об.]. Такое разительное отличие устремлений столичной и провинциальной молодежи объяснялось тем, что на окраинах империи у представителей духовенства было меньше шансов устроиться на светскую службу. Таким образом, знаменитый закон 1869 г. оказал на жизнь провинциального духовенства значительно меньшее влияние, чем на клириков центральной России.

Завершая обзор государственной политики в сфере гражданских прав приходского духовенства в эпоху «Великих реформ», следует отметить, что благодаря Уставу о земствах 1864 г. представители духовного сословия получили активное и пассивное избирательное право при выборах в уездные и губернские органы самоуправления. От причтов церквей, имеющих соответствующее цензу количество земли, в избирательном съезде уездных землевладельцев должен был участвовать настоятель. Причты храмов, земли которых лишь в совокупности соответствовали цензу, должны были предварительно избирать из своей среды уполномоченного [41]. Таким образом, главным итогом правительственной политики по расширению гражданских прав приходского духовенства второй половины XIX столетия стало юридическое уничтожение замкнутости духовного сословия и предоставление ему права участвовать в жизни страны через участие в выборах в губернские и уездные земские учреждения.

В начале XX века в правительственных кругах вновь заговорили о церковной реформе. За нее ратовал митрополит Антоний. Он предложил Николаю II собрать всех архиереев, пригласить к обсуждению будущих преобразований представителей мирян и приходского духовенства. Итогом правительственных мероприятий, по его мнению, должно было стать возрождение традиционной допетровской системы самоуправления прихода и признание его в качестве юридического лица с правом собственности. Эти идеи поддержал и председатель комитета министров С. Ю. Витте. Он же составил программу реформы, которая включала необходимость созыва Собора, обновление прихода, обеспечение духовенства, децентрализацию управления церкви и преобразование духовных заведений [43, с. 25—26]. В 1905 г. действительно начали проводить опросы среди духовенства и мирян. На основе их предложений предполагалось проработать вопросы, которые потом необходимо было обсудить на Соборе. Однако единственным результатом этого действия стал выпуск общинного трехтомного издания «Отзывы епархиальных архиереев». В следующем году вышел том «Прибавлений» к ним [43, с. 25—26]. Начало XX века не привнесло значительных изменений в правовой статус приходского духовенства, за исключением новой возможности избирать и быть избранным в Государственную думу [8].

Суммируя сказанное о социально-правовом статусе приходского духовенства, приходится констатировать, что его положение во второй половине XIX — начале XX века было противоречивым. Социальный статус духовенства был значительно выше, чем у податного сословия. По объему прав и привилегий клирики были приближены к личному дворянству. После церковной реформы Александра II дети священно- и церковнослужителей не утрачивали своего особого положения, даже если считали необходимым порвать с сословием. Но государство не могло гарантировать реализацию многих из заявленных прав. Юридический статус женщины духовного сословия оставался непрочным. Она теряла все преимущества, если выходила замуж за мужчину, который был ниже ее по положению.

Церковная реформа юридически разрушила замкнутость духовного сословия. Отпрыски клириков получили больше возможностей самостоятельно избирать профессию и оказались не так стеснены в выборе невесты, как их родители.

Однако реформа имела и негативные последствия. Отмена наследственности церковных должностей нарушила практически единственный способ социальной защиты вдов, сирот и престарелых клириков. Кроме того, разорвав рамки духовного сословия, правительство не создало эффективного механизма финансового обеспечения священников. Клирики по-прежнему не могли заниматься коммерческой деятельностью, были ограничены в банковских операциях, испытывали трудности при приобретении личной

собственности и подлежали епархиальному суду, который во второй половине XIX века, в отличие от светского суда, оставался традиционным. Не произошло облегчения участи тех, кто стремился снять с себя сан. Как и раньше, было затруднено поступление в клир для представителей иных сословий. Во многом духовенство оставалось замкнутым сословием. Это свидетельствовало о необходимости создания четко действующей системы реализации и гарантии сословных прав приходского духовенства.

Список использованных источников и литературы

1. Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, постановлений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721—1901 гг. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству Православного исповедания / сост. С. В. Калашников. СПб., 1902.
2. Беллюстин И. Описание сельского духовенства в России // Русский заграничный сборник за 1858 год. Берлин, 1859.
3. Бенедиктов Д. Г. Палачи в рясах. М., 1923.
4. Благовидов Ф. Б. К работе общественной мысли по вопросу о церковной реформе. Казань, 1905.
5. Вениамин (Федченков), митрополит. Божьи люди. Мои духовные встречи / сост. А. К. и Н. В. Светозарские. М., 1997.
6. Верховский П. В. Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX вв. Варшава, 1912.
7. Высочайше утвержденный Устав гражданского судопроизводства (20.10.1864 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е (далее — ПСЗРИ II). СПб., 1864. Т. 39. № 41477. С. 306—400.
8. Высочайше утвержденное учреждение Государственной Думы (6.08.1905) // ПСЗРИ-III. Петроград, 1915. Т. 25. № 26661. С. 640—651.
9. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 3. Д. 4305.
10. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 615.
11. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 837.
12. ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 9.
13. ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 16.
14. ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 141.
15. ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 222.
16. ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 229.
17. Голубинский Е. Е. О реформе в быте русской церкви. М., 1913.
18. Грекулов Е. Ф. Нравы русского духовенства. М., 1928.
19. Дмитриев А. Церковь и идея самодержавия в России. М., 1930.
20. Законы о состояниях // Свод Законов Российской империи (далее — СЗРИ). СПб., 1857. Т. 9.
21. Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра Великого. Казань, 1873.
22. Зольникова Н. Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981.
23. Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1984.
24. Колесникова В. Л. Правовая регламентация жизни вдов служителей церкви во второй половине XIX — начале XX в. (На примере Курской губернии) // Успехи современного естествознания. 2006. № 11. С. 23—27.
25. Мельгунов С. Церковь и государство в России. М., 1907.
26. Николаевский П. Русская церковь в царствование государя императора Александра III. СПб., 1894.
27. О дополнительных правилах к уставам о духовных училищах (27.08.1814 г.) // ПСЗРИ-I. Т. 32. № 25658. С. 885—888.
28. О заведении шнуровой книги для внесения записей на дома и дворы священно- и церковнослужителей и о порядке перехода таковых мест от одного лица к другому (22.01.1768) // ПСЗРИ-I. Т. 18. № 13067. С. 443—445.
29. О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных (17.04.1863) // ПСЗРИ-II. Т. 38. № 39504. С. 352—253.
30. О правах детей духовных лиц православного и армяно-григорианского исповеданий (15.03.1871) // ПСЗРИ-II. СПб., 1874. Т. 46. № 49361. С. 203—204.

31. О правилах приема в военную службу вольноопределяющимися детей белого духовенства (25.07.1827) // ПСЗРИ-П. СПб., 1830. Т. 2. № 1262. С. 629—630.
32. О предоставлении права обязываться векселями всем сословиям, коим по закону дозволено вступать в долговые обязательства (3.12.1862) // ПСЗРИ-П. Т. 37. № 38993. С. 452—453.
33. О семейных правах детей православного духовенства (20.03.1871) // ПСЗРИ-П. СПб., 1874. Т. 46. № 49382. С. 231—232.
34. О усовершеннии Духовных Училищ; о начертании правил для образования сих Училищ и составлении капитала на содержание Духовенства (26.06.1808) // ПСЗРИ-П. Т. 30. № 23122. С. 368—395.
35. Об общих средствах призрения для всего служащего при церквах духовенства (22.05.1867) // ПСЗРИ-П. СПб., 1871. Т. 42. № 44610. С. 797—798.
36. Об освобождении домов священно- и церковнослужителей от полицейских повинностей (3.12.1798) // ПСЗРИ-П. Т. 25. № 18772. С. 463—464.
37. Об освобождении от постоя дворов священно- и церковнослужителей, состоящих в действительной службе при церквах (7.04.1742) // ПСЗРИ-П. Т. 11. № 8546. С. 597—598.
38. Об устройстве детей лиц православного духовенства (26.05.1869) // ПСЗРИ-П. СПб., 1873. Т. 44. № 47138. С. 521—522.
39. Об учреждении особых Присутствий и других мерах для улучшения быта православного духовенства (14.04.1863) // ПСЗРИ-П. СПб., 1866. Т. 38 № 39481. С. 339—340.
40. Писарев В. Церковь и крепостное право в России. М., 1930.
41. Положение о Губернских и уездных земских учреждениях (01.01.1864) // ПСЗРИ-П. СПб., 1874. Т. 39. № 40457. С. 1—14.
42. Положение о способах к улучшению состояния духовенства (06.12.1829) // ПСЗРИ-П. СПб., 1829. Т. 4. № 3323. С. 834—836.
43. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
44. Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск, 2009.
45. Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ (церковные реформы 1860—1870 гг.). М., 1999.
46. Римский С. В. Церковная реформа Александра II // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 32—48.
47. Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве в России : в 2 т. Лейпциг, 1866.
48. Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898.
49. Рыбкин Г. Православие на службе самодержавия в России. М., 1930.
50. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / сост. Т. В. Барсов. СПб., 1885. Т. 1.
51. Симина В. А. К истории сословной политики самодержавия в 60-е гг. XIX в. (Изменение законодательства о духовном сословии) // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. История, язык, литература. 1982. Вып. 3, № 14. С. 124—127.
52. Смолич И. К. История Русской церкви: 1700—1917 : в 2 т. М., 1996.
53. Титлинов Б. Б. Православие на службе самодержавия в Русском государстве. Л., 1924.
54. Устав Духовных Консistorий. СПб., 1843.
55. Устав о воинской повинности (01.01.1874) // ПСЗРИ-П. СПб., 1874. Т. 49. № 52983. С. 1—29.
56. Уставы о повинностях. Уставы рекрутские // СЗРИ. СПб., 1857. Т. 4.
57. Уставы о податях // СЗРИ. СПб., 1857. Т. 5.
58. Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. СПб., 2003.
59. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1890—1907. Т. 9.

Поступила в редакцию 22.03.2015 г.

Фот Алена Гергардовна, аспирант
 Оренбургский государственный педагогический университет
 Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
 E-mail: fotalena@mail.ru

UDC 94(47):348.31(09)

A. G. Fot

Legal Status of Orthodox Parish Clergy in the Second Half of XIX — the Beginning of XX centuries

This article investigates the legal status of orthodox parish clergy of the Russian Empire in the second half of the XIX — the beginning of the XX centuries. Analyzing the materials of a complete collection of laws and the code of laws of the Russian Empire, the author draws a conclusion about the volume of rights and privileges of parish clergymen, reveals the shortcomings of the legislative base concerning parish clergy and indicates their possible reasons.

Key words: Russian Empire, post-reform period, parish orthodox clergy, legal status, privileges.

Fot Alyona Gergardovna, Post-graduate Student
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: fotalena@mail.ru